

⁶ КПСС v rezolucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK. T. 2. 1917–1922. M.: Politizdat, 1983. S. 114.

⁷ КПСС v rezolucijah ... T. 2. 1917–1922. M.: Politizdat, 1983. S. 267.

⁸ Armand I.F. Stat'i, rechi, pis'ma. M.: Politizdat, 1975. S. 58.; Protokoly VIII Konferencii RKP(b) / pod red. N.N. Popova. M.: Part. izd-vo, 1934. S. 168.

⁹ Armand I.F. Ukaz soch. S. 96–97.

¹⁰ Chirkov P.M. Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917–1937 gg.) M.: Izd-vo «Mysl'», 1978. S. 89.

¹¹ Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO). F. 55. Op. 1. D. 17. L. 5.

¹² Tam zhe. F. 1575. Op. 1. D. 87. L. 28.

¹³ Tam zhe. F. 1575. D. 142. L. 37.

¹⁴ Tam zhe. F. 1575. Op. 1. D. 85. L. 14.

¹⁵ Tam zhe. F. 11. Op. 1. D. 11.

¹⁶ Tam zhe. F. 12. Op. 1. D. 58. L. 125.

¹⁷ Tam zhe. F. 1575. Op. 1. D. 191. L. 6.

¹⁸ Tam zhe. F. 11. Op. 1. D. 2.

¹⁹ Majakovskij V.V. Privet delegatke // Poln. sobr. soch.: v 13 t. M.: Hudozh. lit., 1955–1961. T. 9. S. 305.

²⁰ CDNIVO. F. 1575. Op. 1. D. 191. L. 18.

²¹ Tam zhe. F. 55. Op. 1. D. 17.

²² КПСС v rezolucijah... M., 1983. T. 2. S. 477.

²³ Tam zhe. S. 571–572.

²⁴ CDNIVO. F. 55. Op. 1. D. 106. L. 4., L. 156.

²⁵ Tam zhe. D. 118. L. 1.; F. 20. Op. 1. D. 13. L. 13.; F. 1575. Op. 1. D. 191. L. 18ob.

²⁶ Tam zhe. F. 55. Op. 1. D. 118. L. 33.

²⁷ Tam zhe. F. 10474. Op. 1. D. 18. L. 6–6 ob.

²⁸ Tam zhe. F. 20. Op. 1. D. 13. L. 174.

²⁹ Tam zhe. L. 123.

³⁰ Tam zhe. F. 55. Op. 1. D. 129, L. 118.

³¹ Tam zhe. D. 146. L. 11.

³² Tam zhe. D. 129. L. 3.

³³ Chirkov P.M. Ukaz. soch. S. 99.

Party management of women's activity in the 1920s by the example of the Lower Volga Region

There is considered the work of women's departments in the 1920s in the Lower Volga Region. Based on the archival documents there are found out the conditions and methods of work with women. There is noted the duality of authorities' policy concerning the women's issue. On the one hand, the documents show the difficulties to involve women into social life. On the other hand, there is traced the tendency to limit women's activity by some particular frames, conditions, guidelines.

Key words: *political competence, women's activity, women's departments, delegate meetings, delegates, women's issue.*

(Статья поступила в редакцию 16.01.2015)

А.О. ТЮРИН
(Астрахань)

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья)

На основе докладов, оперативных донесений и текстов публичных выступлений, хранящихся в архивах, анализируются формы политического поведения городского населения. Рассматривается отношение горожан к законодательным органам власти разного уровня в период избирательных кампаний второй половины 1930-х гг.

Ключевые слова: повседневность, горожане, избирательные кампании, политическое поведение, власть, Нижневолжский регион.

Во многих современных научных и учебно-методических работах советский политический режим второй половины 1920-х – начала 1950-х гг. определяется как тоталитарный, которому было свойственно стремление к полному контролю всей жизни общества и каждого человека, или же характеризуется как «всеобщее государство», осуществляющее тотальный контроль всех сторон частной и общественной жизни. Однако в этих обстоятельствах граждане политически участвовали в жизни страны.

По определению Д.В. Ольшанского, «выборы и избирательные кампании – основная форма политического участия. Под политическим участием понимается неотъемлемое свойство политической или иной управляющей (или самоуправляемой) деятельности людей, служит одним из средств выражения и достижения их интересов. Политическим участие становится тогда, когда индивид или группа вовлекаются во властные политические отношения, в процесс принятия решений и управления, носящих политический характер» [10].

Типологию форм политического поведения можно свести к следующему делению: а) политическое отчуждение представляется как отстранение большинства сознательных граждан от реальных процессов формирования власти и контроля над ней, сосредоточение усилий человека на решении проблем личной жизни. Часто это происходит при излишней бюрократизации аппарата, а следстви-

ем этого может быть неудовлетворенность, разочарование и безразличие в отношении политических лидеров, политики правительства и самой системы; б) политическая пассивность проявляется, когда субъект не реализует собственные интересы, а находится под влиянием другой социальной группы либо безучастно относится к политической жизни, старается уклониться от политического участия; в) политическая активность рассматривается как стремление и возможность воздействовать на политическую власть или непосредственно использовать ее для реализации своих интересов.

Сводки, отчеты и донесения партийных организаций, протоколы общих собраний трудящихся позволяют нам «услышать» живые голоса горожан, проследить их повседневное политическое поведение в ходе избирательных кампаний. Наша исследовательская задача – выявление доминирующих форм политического поведения населения в ходе избирательных кампаний, что поможет определить повседневное отношение горожан к органам представительной-законодательной власти. Опираясь на вышеперечисленные источники, мы рассмотрим, насколько советское общество было однородно и монолитно (тоталитарно) в поддержке государственной политики.

В период избирательных кампаний активную политическую позицию в области пропаганды и поддержки государственной политики занимала такая часть горожан, как агитаторы-пропагандисты. В их задачу входило разъяснение новых «Положений о выборах в Верховный Совет СССР» (далее – «Положения...»), Конституции и других идеологических программ населению.

На одном из крупных предприятий Астрахани – заводе им. Сталина (количество персонала около 1000 человек) – в предвыборной кампании в Верховный Совет СССР (ВС СССР) участвовали 117 агитаторов, из которых 51 человек агитировал на самом предприятии, 10 человек – в учреждениях и 56 – в районах. По партийной принадлежности состав агитаторов выглядел следующим образом: 23 человека являлись членами ВКП(б), 15 были кандидатами в члены ВКП(б), сочувствующих – 7, комсомольцев – 43 и беспартийных – 29 человек. Из общего состава агитаторов 12% имели среднее и 88% – начальное образование [6. Д. 352. Л. 57].

В основном агитаторами становились рабочие и служащие, чаще всего коммунисты и комсомольцы с начальным образованием, прошедшие предварительное обучение на кратко-

срочных курсах. Далее часть агитаторов оставалась на своих предприятиях и организациях, другие распределялись по учреждениям, где требовались дополнительные силы пропагандистов, а также отправлялись в предписанные районы города.

Одной из форм их активного политического поведения были агитация и обучение остальной части городского населения новым правилам выборов, а вместе с этим агитаторы должны были отвечать на вопросы трудящихся и разъяснять другие общие установки советской идеологии.

В связи с этим на всех предприятиях и во всех организациях Астрахани проводились общие агитационные собрания трудящихся. После этих вводных мероприятий организовывались семинары, рассчитанные на 5–6 занятий для более углубленного изучения и разъяснения «Положений...». К каждому предприятию прикреплялась определенная жилищная часть города. Агитаторы от предприятий через ЖАКТы проводили разъяснительную работу среди так называемого «неорганизованного» населения курируемой территории, т.е. тех, кто не состоял в партии, профсоюзах, кооперативах и других организациях. В общем методика процесса политической пропаганды и агитации в ходе выборов в ВС СССР была схожа с техниками, применявшимися при изучении и утверждении новой Конституции в 1936 г. Таким образом, основная часть населения страны должна была принять активное политическое участие в избирательной кампании.

Суть активного политического поведения агитаторов можно охарактеризовать следующими высказываниями их кураторов в Астрахани: «Дело заключается не только в том, чтобы агитатор прослушал курс лекций, он должен настойчиво разъяснять, а для этого требуется самому изучить все материалы»; «партийная организация отвечает не только за свой завод, но и за весь участок. Поэтому необходимо разбить агитаторов по участкам, собирать население и систематически проводить свою работу. Ознакомиться с населением своего участка, проводить лекции на разные темы» [8. Д. 6. Л. 56–57].

В Саратове руководители избирательных кампаний обращали внимание агитаторов на следующий момент: «Главное нужно охватить частные домовладения. Там главная работа. Ни одного избирателя не пропустить» [3. Д. 793. Л. 90–92]. Это было важно, т.к. во многих городах Нижневолжского региона частновладельческий сектор достигал 50% от всей

жилой площади. Таким образом, одной из распространенных форм политической активности у агитаторов был процесс разъяснения населению новых законодательных актов и идеологических установок, а у остальной части горожан – посещение занятий с целью повышения своего уровня политических знаний и культуры в целом.

Итогом этой формы политической активности агитаторов должен был стать рост их собственного политического сознания, который можно охарактеризовать высказыванием пропагандиста астраханского гормолзавода: «Избиратели ко мне относились хорошо, особенно домохозяйки. Разъясняя избирательный закон, я сама стала выше на целую голову. После исторического дня 12 декабря я подала заявление о принятии меня в ряды ВКП(б)» [6. Д. 352. Л. 74].

Насколько же политически активны были горожане в ходе предвыборного процесса при посещении пропагандистских занятий? В Астрахани на общем собрании агитатор жаловался: «Я работаю на нефтескладе №8. По списку у меня 23 домохозяйки, а на собрании присутствовало 13 человек. Во время митинга одни агитаторы дают свою установку, а другие свою, отсюда получается неясность» [8. Д. 6. Л. 65]. В Саратове на общем собрании член избирательной комиссии недоумевал: «На нашем участке 69 домовладений, а охвачено учебой только 18, то есть из 1200 человек кружки посещают всего 160 человек» [3. Д. 793. Л. 115].

Нередко встречалось крайне негативное отношение населения к деятельности агитаторов. В отчете Сталинского районного комитета (РК) ВКП(б) Астрахани конкретно указывались такие моменты при работе с горожанами в частном секторе: «Все 34 избирательные участка снабжены агитаторами. Занятие с неорганизованным населением проводилось в красных уголках ЖАКТов. Где не было ЖАКТов, лекции читались в школе, либо приходили на квартиры к избирателям. Это неудобно, так как вызывает недовольство избирателей, большинство говорят: “Придут, насодомят и уйдут”. На отдельных агитаторов спускали собак, чтобы не заходили в дом, случается, что запирают квартиры и говорят “я знаю” или “нет керосина” [6. Д. 294. Л. 90–91, 96–97].

В Астрахани в беседе с пропагандистом инвалид аргументировал свое нежелание участвовать в выборах ВС СССР следующим образом: «Я не буду изучать Сталинскую конституцию и Положение о выборах, это ничто

иное, как чепуха, и что хотите, делайте со мной, вплоть до расстрела. Раньше я жил лучше, чем в настоящее время, а поэтому вы изучайте и выбирайте кого хотите» [Там же. Д. 352. Л. 87].

В некоторых донесениях фиксировались негативные поступки граждан в ходе избирательной кампании. В Астрахани гражданка К., проживающая в кладбищенском поселке, при уточнении списков избирателей заявила: «Долго ли вы будете ходить еще, вы уже мне надоели». Рабочий Б. заявил агитатору: «Когда вы бросите беспокоить рабочих» и стал грубить, а потом добавил: «Начал я на вашу власть» и стал выгонять из дома с угрозами. Агитатор избирательного участка № 89 А. стала приглашать на занятие кружка гражданку К. Однако К. стала оскорблять ее и выгонять, а вслед уходящему агитатору полетели камни [Там же. Л. 88].

Многие отчеты констатировали различные недостатки в подготовке и проведении политических занятий. В Саратове в отчете «О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР» докладчик отмечал: «На большинстве предприятий города (завод комбайнов, СарТЭЦ, шарикоподшипниковый завод и др.) две трети от общего числа агитационных стеногазет вообще не выходят, а только числятся в отчетах» [4. Д. 1304. Л. 41].

В докладной записке от 15 августа 1937 г., подготовленной для отдела пропаганды Астраханского городского комитета (ГК) ВКП(б), говорилось, что «существует много недостатков в работе по разъяснению “Положений...”. В частности, собрания проводятся в обеденное время и многие рабочие не заинтересованы в их посещении. На некоторых заводах, к примеру, на заводе им. Х лет Октября до сих пор не организовано ни одного кружка, а на многих предприятиях ограничили формальным зачитыванием “Положений...”. Безучастными остаются профсоюзы и райсоветы. Ни один райсовет в городе не знает, сколько в его районе граждан старше 18 лет» [6. Д. 352. Л. 51]. «На Мясокомбинате очень маленькая явка рабочих и низкое качество занятий» [8. Д. 6. Л. 65].

Работу территориальных агитаторов можно было признать неудовлетворительной. В информационной сводке «О выборах в Верховный Совет СССР», направленной в Саратовский ОК ВКП(б), констатировалось: «Основная масса избирателей, живущая в центре города, не была охвачена пропагандистско-агитационным разъяснением» [5. Д. 565].

Л. 8]. Стоит отметить, что основные трудности у агитаторов встречались в частновладельческом секторе, который находился на окраинах города или рядом с центральным районом.

Многие трудящиеся не желали тратить свое время, даже рабочее, на изучение «Положений...», старались избегать занятий. Обучение носило формальный «кампанейский» характер – горожане «прослушивали» курсы. Агитатор на общем собрании делился своими впечатлениями с товарищами: «Классовые враги пытаются сорвать выборы... во время занятий часто слышен кашель, некоторые откровенно пытаются сорвать занятия, либо не явиться на них под различными предлогами» [8. Д. 6. Л. 65].

В реальности только сами агитаторы изучали «Положения...» и другие документы. В отчете Фрунзенского РК ВКП(б) Саратова в 1939 г. после выборов в горсовет говорилось о следующих нарушениях: «В ходе выборов в местный совет Саратова можно отметить некоторые общие недостатки: а) многие избиратели плохо еще знакомы с техникой голосования. Некоторые свои бюллетени оставляли в кабинетах, а другие вообще не знали, что делать с бюллетенями. При этом в основном это были рабочие; б) были случаи отказа от голосования, некоторые об этом заявляли до выборов» [3. Д. 895. Л. 120].

Кроме пропаганды и обучения населения, другой формой политической активности агитаторов была «борьба с врагами». В общем, многие горожане также принимали участие в «борьбе с врагами», но в ходе избирательных кампаний возглавить этот процесс должны были пропагандисты.

Руководители избирательных кампаний обращали внимание агитаторов на действия «врагов народа»: «Если мы не работаем, то работает враг в наших ЖАКТах, используя нашу беспечность» [Там же. Д. 793. Л. 90–92]. Агитаторы не могли применять карательные санкции к «врагам», поэтому методом их борьбы были отчеты о встречах с горожанами, в которых фиксировались действия «вражеской руки».

Некоторые доклады пропагандистов были обезличены, как, например, в Саратове, где активист сообщал: «Враг не дремлет, портреты наших депутатов, вывешенные на улицах, срывают» [Там же]. С других участков поступали аналогичные сведения: «Все наши агитки и объявления на другой день оказываются сорваны. Это говорит, что, кроме хулиганства, здесь работает вражеская рука» [Там же.

Л. 115]. Стоит отметить, что подобные примеры «работы врага» были достаточно распространены в ходе избирательных кампаний в городах Нижнего Поволжья.

Некоторые отчеты агитаторов фиксировали конкретные случаи «вражеских вылазок» с указанием фамилий и адресов проживания. В докладной записке, поданной в ГК ВКП(б) Астрахани, говорилось: «За пример можно взять следующие: а) на избирательном участке № 89 по ул. Бакинской во время беседы с агитатором гражданка К. при разъяснении ст.133 Конституции стала сочувствовать врагам народа Тухачевскому, Якиру, Эйдману и др., а также пояснила, что ее отец был революционер и если бы он был жив, то он был бы, может быть, причислен тоже к указанным врагам народа; б) после предвыборного митинга домохозяйка Л. избирательный участок № 63 заявила: “Я не хочу защищать вонючую Россию, которая моих братьев расстреляла”, а потом добавила: “Политическую литературу умные люди давно бросили читать”; в) гражданка Б. 1 декабря до сбора митинга на участке пришла в клуб и стала вести дезорганизаторскую агитацию, направленную против избирательной комиссии, в результате этого, улица, где проживает Б. не явилась на митинг» (не уточняется, каким способом гражданка Б. смогла сорвать явку на митинг) [6. Д. 352. Л. 86–88].

В ходе предвыборной кампании агитаторами отмечались не только «вражеские» высказывания, но и конкретные действия «врагов», также с указанием фамилий: «В Астрахани на площади им. 12 Марта была наклеена автобиография кандидата с фотопортретом, установлено было, что у портрета были вырваны лицо и глаза. У входа на избирательный участок №94 была вылита бочка нечистот, в результате этого вокруг помещения избирательного участка образовалось зловонье. Гражданином Ф. были сорваны объявления извещающие население о месте и времени голосования, при выяснении оказалось, что Ф. недавно освобожден из тюрьмы» [Там же].

Житель Саратова прислал в местную газету «Коммунист» письмо, в котором приводил конкретный пример «вражеской» агитации в ходе предвыборной кампании: «Последние дни в Саратове увеличилось количество нищенствующих. Многие из них с виду здоровые и неплохо одеты. Эти люди догоняют прохожих и просят помощи. Только сегодня на центральных улицах города мы видели 6–7 нищих. Можно предположить, что здесь орудует враг, использующий нищих для антисо-

ветской агитации. Нужно принять меры для устранения этой контрреволюционной агитации, которая в период подготовки выборов в ВС СССР имеет особое значение» [1, с. 3].

Можно констатировать, что среди горожан были как активные «борцы с врагами», поддерживающие политику государства, так и недовольные властью. В отчетах случаи открытого негативного отношения к власти встречаются редко, а все вышеперечисленные эпизоды идентифицировать как формы активного протестного поведения нельзя, т.к. уничтожение предвыборной агитации, скорее всего, носило хулиганский характер. И все же некоторая часть горожан в своих действиях и высказываниях в ходе избирательных кампаний проявляла протестную политическую активность.

Формой активного политического поведения горожан можно считать утверждение кандидатов в депутаты на общих собраниях. Стоит отметить, что кандидатуры предварительно обсуждались и выдвигались общественными и партийными организациями, а дальше безальтернативно предлагались на утверждение коллективам. Некоторые горожане пытались оспорить предложенные кандидатуры.

При утверждении кандидата в депутаты в областной и окружной советы депутатов в Астрахани в школе № 34 разгорелся спор. Из отчета в ГК ВКП(б) следовало, что «учительница К., дочь бывшего торговца, заявила: “Я ничего не имею против товарища Г. Но у нас в школе имеются свои работники, которых мы можем выбрать кандидатами, и я предлагаю кандидатом заведующего учебной частью товарища Е. После выступления директора школы, который отметил, что в совет требуются более подготовленные люди, учительница К. все равно предлагает свою кандидатуру. Тогда слово для выступления взял я, и попытка разъяснить, что кандидатуру товарища Г. обсуждали по ряду крупных предприятий, и он единогласно утвержден, а если все учреждения будут протаскивать своих, то получится неразбериха. Однако учительница К. уже с обидой стала говорить, что получается, нам нельзя выдвигать своих кандидатов. Вопрос поправил сам товарищ Е., который заявил, что он не дает своего согласия на участие в выборах и считает, что товарищ Г. вполне заслуживает стать депутатом. На Пролетарском рыбозаводе повторилась такая же история. Многие работники, еще настойчивее, требовали провести свои кандидатуры, многие затаили обиду» [6. Д. 387. Л. 169]. Стоит отметить, что подоб-

ные ситуации в отчетах о предвыборных кампаниях встречались редко.

После выборов в многочисленных отчетах констатировалась практически 100-ная явка избирателей на участки, что должно было подчеркнуть еще раз единство и активную политическую позицию всего советского народа.

В целом по стране в выборах участвовали свыше 91 из 94 млн избирателей, или 96,8%. Из них за блок коммунистов и беспартийных проголосовало 98,6%. Только 632 тыс. человек (менее 1%) голосовали против коммунистов [9]. В Астрахани в целом приняло участие в выборах в ВС СССР 94,4% населения [6. Д. 352. Л. 76].

Аналогичная картина наблюдалась на местных выборах. 24 декабря 1939 г. состоялись выборы в Астраханский городской совет. В отчете ГК ВКП(б) Астрахани «О ходе голосования в городской совет» говорилось: «Ход голосования выглядел следующим образом: на двенадцать часов дня проголосовало – 45% избирателей, на 14.00 – 62,5%, на 20.00 – 95,35% и на 23.00 – 98% горожан» [Там же. Д. 394. Л. 25]. В Вольске в 1939 г. в ходе выборов в горсовет явка избирателей составила 99,51% [2. Д. 165. Л. 92].

Явка избирателей была основным показателем одобрения и поддержки политики власти, а также ее кандидатов. За посещением избирательных участков строго следили. Для максимальной явки населения на участки агитаторы и члены избирательных комиссий должны были сделать все возможное. Поэтому выборы в различные советы представляли собой праздничное действие.

Выборы в ВС СССР, как и в республиканские и местные советы, проходили в торжественной обстановке. На избирательных участках выступал оркестр или играл патефон, из радиоузла доносились призывы к активному участию горожан в выборах. Большинство участков было украшено транспарантами и стенгазетами, функционировали буфеты, также проводились краткие агитационные митинги, где выступали избиратели.

В отчете ГК ВКП(б) Астрахани говорилось: «Около избирательного участка № 5 с утра и до вечера для избирателей демонстрировались кинокартины. Играл духовой оркестр, молодые и пожилые радостно танцевали под музыку. По избирательному участку №30 в детской комнате играют дети, а две агитмашины подвозят каждые полчаса престарелых избирателей для голосования и т.д.» [6. Д. 394. Л. 88]. Официальные отчеты конста-

тировали практически абсолютную политическую активность горожан.

Но каковы причины столь высокой явки избирателей в день голосования? Избирательные комиссии строго следили за посещаемостью в день голосования. В этой связи в предвыборный период большой проблемой было точное формирование списков избирателей. Многочисленные отчеты постоянно отмечали искажение фамилий или невнесение в списки избирателей каких-либо горожан. В информационной сводке, направленной Саратовскому ОК ВКП(б) «О выборах в Верховный Совет СССР», говорилось: «В городе было организовано 117 избирательных участков. Отрицательным моментом явилось то, что при составлении списков были допущены неточности, то есть искажались фамилии или отсутствовали полные сведения об избирателе» [5. Д. 565. Л. 6].

Несмотря на создание атмосферы праздника (кино, танцы, работа буфетов с большим количеством продуктов, что важно в условиях постоянного дефицита), к горожанам, не явившимся на участки, приходили домой агитаторы с требованием принять участие в голосовании.

В сводке, подготовленной для ГК ВКП(б) Астрахани, говорилось: «По избирательному участку № 82 избиратель А. обещал прийти на избирательный участок, однако в 21 час 40 минут еще не явился, поэтому к нему пошел заместитель председателя избирательной комиссии. Гражданин А. обругал его нецензурными словами и отказался идти голосовать. По участку №92, агитатор отправился к избирателям Пролетарского острова, где встретил группу подвыпивших водников. Агитатор обратился к ним с просьбой пройти проголосовать, но в ответ услышал нецензурную брань. По избирательному участку №104 семь человек не принимало участие в выборах, из которых одна семья заперлась в квартире и никого к себе не пускала» [6. Д. 394. Л. 88].

Высокий процент голосовавших горожан выступал внешним проявлением политической активности, ее формальной стороной. На одном из астраханских избирательных участков житель города взял бюллетень и сказал: «Вот вам и демократия – вычеркивай, а кого вычеркивать, когда одна кандидатура и то напечатанная. По-моему, зачем нас обманывать, лучше бы сказали, вот кого мы хотим выбрать и поставить к управлению. Да и сколько расходу на эти тряпки и безделушки (показал рукой на лозунги). Зачем обманывать православный

народ, говорят одно, а делают совсем другое» [6. Д. 286. Л. 315].

Один из агитаторов докладывал: «В моей работе был такой факт, врач отрывал людей, якобы больных, но они совершенно были здоровы. В частности и меня приглашали на попойку, я, конечно, не пошел, а довел эти факты до сведения соответствующих организаций» [8. Д. 7. Л. 4–5]. Многие горожане соглашались формально политически поучаствовать («отдохнуть», «отметиться», «купить продуктов») в безальтернативных выборах (итог уже известен), однако не стремились повышать свою политическую культуру на занятиях, что тоже определяло степень политической активности.

В отчете Сталинского РК ВКП(б) Астрахани «О выборах в Верховный Совет СССР» было отмечено: «На избирательном участке № 94 в одном бюллетене были зачеркнуты фамилия кандидата и написано: “кукольная комедия”... На участке № 84 в одном из бюллетеней была обнаружена надпись: “очковтирательство”» [6. Д. 59. Л. 75]. Данные высказывания и действия не только являлись протестной формой политической активности, но и характеризовали отношение части горожан к голосованию.

Что же волновало горожан в первую очередь в ходе избирательных кампаний? Многочисленные отчеты констатировали, что больше всего вопросов, задаваемых населением при встречах и беседах с агитаторами и кандидатами, касались повседневных материальных проблем и, в первую очередь, снабжения продовольствием.

В Саратове председатель собрания на заводе им. Кагановича критиковал партком за его поверхностное отношение к разъяснительной работе: «Партком завода им. Кагановича мало болеет душой за организационные вопросы. Я сам общался с избирателями. Они задают очень острые вопросы об очередях, о мануфактуре, о воде, о свете» [3. Д. 793. Л. 90–92]. С ним соглашался агитатор саратовского избирательного участка №87, который высказал свои опасения: «У нас в момент подготовительной работы стали наблюдаться очереди за хлебом и керосином» [Там же. Л. 115].

На одном из общих партийных собраний саратовского предприятия докладчик, анализируя ситуацию в области снабжения, рассуждал: «По-моему не случаен такой факт, как беспорядки в торговой сети Саратова. Помните, когда надо было утверждать Сталинскую Конституцию, были тысячные очереди за хлебом.

А что мы имеем на сегодня, чем лучше положение? За керосином очереди, нет ни растительного, ни животного масла, начинаются перебои с хлебом. Это один из элементов, озлобляющих хозяек. Торгующие организации надо проверить» [4. Д. 1304. Л. 34].

В отчете ГК ВКП(б) Астрахани говорилось, что «на ряду с хорошими показателями по всем районам города были зафиксированы отрицательные моменты. На избирательном участке № 65, на одном бюллетене была сделана надпись: “больше сахара, керосина, хлеба, а потом голосовать”, на другом также была обнаружена надпись: “не создавать очереди”. На избирательном участке № 225 на бюллетене обнаружили запись: “навести порядок по снабжению продовольствием, изжить очереди и снабжать бесперебойно хлебом, маслом, молоком, картошкой и всеми съестными продуктами” [6. Д. 394, Л. 25–26]. Таким образом, население волновало решение личных повседневных проблем. В условиях постоянного дефицита это было естественно и близко горожанам. Они использовали любую возможность для общения с властью и в этих вопросах занимали активную политическую позицию.

А.К. Соколов, рассуждая о приложении тоталитарной модели к истории советского общества, обращается к западным концепциям описания ее структурных элементов, где отмечается, что «цель (создание тоталитаризма. – А.Т.) достигается тогда, когда тоталитарная власть или государство поглощает все общество... В результате возникают люди-атомы, своеобразные обезличенные микроорганизмы тоталитарного общества, как правило, объединенные различными организациями, от которых требуется демонстрация лояльности по отношению к власти. Для массового человека на первом месте стоят не личные интересы, не семья, а чувство общности, принадлежности к организации, к партии» [11, с. 124]. Но насколько в ходе избирательных кампаний и по результатам выборов общество было едино в поддержке государственной политики, проводимой властью, и представляло собой «всеобщее государство»?

Анализ повседневного политического поведения в ходе избирательных кампаний показал, что население было неоднородно в своем отношении к власти, выборам и законодательным органам. Часть горожан активно участвовала в избирательном процессе, в ходе предвыборной кампании искренне агитировала других горожан и выявляла различные недостатки. Агитатор из Саратова докладывал, что

вскрыл серьезное преступление – расхищение социалистической собственности, а колхозное правление всего лишь приняло решение взыскать с расхитителей сумму ущерба, тогда как «в Сталинском законе о Конституции РСФСР записана ст. 135, что лица, покушавшиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа» [4. Д. 1383. Л. 220].

Такие активисты осознанно приняли новые сформировавшиеся законодательно-представительные органы всех уровней, верили в их функциональную эффективность и открыто выражали поддержку государственной власти в целом. Поэтому в будущем они часто сами становились депутатами или работали в других управляющих структурах, например, в региональных партийных организациях.

Также существовала часть горожан, которая была недовольна политикой власти. Свое недовольство, т.е. протестную политическую активность, они проявляли при помощи мелких хулиганских действий: срывали агитационный материал, портили бюллетени и т.д. Они критиковали власть в частных разговорах или обезличенно возмущались в очередях за продуктами. Более смелые трудящиеся открыто высказывали свое мнение на общих собраниях – чаще всего их оценки фиксировались, а сами выступающие брались под наблюдение.

Как было показано выше, абсолютную явку избирателей на участки в исторических условиях второй половины 1930-х гг. нельзя характеризовать как форму политической активности в полной мере, т.к. многие горожане посещали их не всегда добровольно и не для осознанного политического волеизъявления.

Основная часть населения страны не могла реально влиять на государственную политику через выборные законодательные органы, т.е. была отчуждена от власти. В связи с этим интересна характеристика политического поведения железнодорожников, данная саратовским агитатором в период избирательных кампаний: «Население поселка состоит из железнодорожных рабочих и их семей. Живущие на станции люди должны быть более развитыми, с повышенным культурным уровнем. Однако в поселке, как и в большинстве колхозов, никакой просветительской работы. Вообще все кажутся отсталыми и недисциплинированными. В поселке есть клуб... По вопросу использования клуба для бесед с избирателями я всегда наталкивался на пассивность и косность. Темой выборов совершенно

никто не интересовался» [4, Д. 1383, Л. 220, 234–236]. В крупных городских центрах политическая активность населения была несколько выше, чем в небольших городках и рабочих поселках, но в целом ситуации были схожи.

По мнению А.К. Соколова, «если в теории власть провозглашалась народной, то на деле она все более сосредоточивалась в руках партийно-государственного аппарата, а значит бюрократии, вернее, ее верхушки — номенклатуры. Это обстоятельство не только не способствовало преодолению отчуждения рядовых тружеников от власти, но скорее углубляло его. Неизбежным следствием этого становится возрастание социальной и политической апатии общества» [11, с. 138]. Политическое отчуждение порождает критическое отношение к законодательной власти и государственной политике.

В период кризиса снабжения продовольствием в 1939–1940 гг. в Саратовский горсовет пришло письмо следующего содержания: «Стоя в очереди за булками, один товарищ, выражаясь, покрыл трехэтажным матом весь состав нового созыва депутатов. Я, конечно, постарался возразить, но к нему примкнули другие» [5, Д. 121, Л. 2]. Таких высказываний и писем по поводу деятельности горсовета в этот период было много, и не только в Саратове.

Основные проблемы населения были связаны не с политической интригой хода и итогов избирательных кампаний, а с решением повседневных проблем. Политическая активность большинства горожан проявлялась в обсуждении с кандидатами и агитаторами вопросов о снабжении продуктами питания и товарами первой необходимости. Впоследствии деятельность депутата оценивалась не по законам и постановлениям, им инициированным или отвергнутым, а по решению социально-экономических проблем населения своего округа при помощи своего депутатского статуса.

В реальности решение повседневных проблем во многом не зависело от депутатов, что порождало определенное разочарование в их деятельности. Негативные и безразличные настроения по отношению к работе местных советов, наблюдавшиеся уже в конце 1920-х гг., к концу 1930-х только усилились. Традиция решения депутатами повседневных проблем граждан, иногда личных, продолжала существовать на протяжении всего советского периода истории и даже перешла в современную российскую политическую традицию.

Список литературы

1. Азэф В. Город просто кишил антисоветским элементом // Саратовские вести. 1993. 12 февр.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Фонд Вольского городского комитета КПСС. Ф. 20. Оп. 10.
3. ГАНИСО. Фонд Фрунзенского районного комитета КПСС. Ф. 136. Оп. 1.
4. ГАНИСО. Фонд Саратовского областного комитета КПСС. Ф. 594. Оп. 1.
5. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Фонд исполнительного комитета Саратовского городского совета трудящихся. Ф. 461. Оп. 2.
6. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Фонд Астраханского городского комитета КПСС. Ф. 9. Оп. 1.
7. ГАСД АО. Фонд Астраханского городского комитета ВЛКСМ. Ф. 47. Оп. 1.
8. ГАСД АО. Фонд первичной партийной организации Астраханского производственного объединения. Ф. 2949. Оп. 1.
9. Ильин А. Избирательная кампания 1937 года // Красноярское общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2007Ilin2.htm>.
10. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М., 2001 // Библиотека РГИУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-u.ru/forum>.
11. Соколов А.К. Курс советской истории 1917–1940 гг. М.: Высш. шк., 1999. 272 с.

* * *

1. Azef V. Gorod prosto kishil antisovetskim jelementom // Saratovskie vesti. 1993. 12 fevr.
2. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Saratovskoj oblasti (GANISO). Fond Vol'skogo gorodskogo komiteta KPSS. F. 20. Op. 10.
3. GANISO. Fond Frunzenskogo rajonnogo komiteta KPSS. F. 136. Op. 1.
4. GANISO. Fond Saratovskogo oblastnogo komiteta KPSS. F. 594. Op. 1.
5. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO). Fond ispolnitel'nogo komiteta Saratovskogo gorodskogo soveta trudjashhihsja. F. 461. Op. 2.
6. Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentacii Astrahanskoj oblasti (GASD AO). Fond Astrahanskogo gorodskogo komiteta KPSS. F. 9. Op. 1.
7. GASD AO. Fond Astrahanskogo gorodskogo komiteta VLKSM. F. 47. Op. 1.
8. GASD AO. Fond pervichnoj partijnoj organizacii Astrahanskogo proizvodstvennogo ob#edinenija. F. 2949. Op. 1.
9. Il'in A. Izbiratel'naja kampanija 1937 goda // Krasnojarskoe obshhestvo «Memorial» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2007Ilin2.htm>.

10. Ol'shanskij D.V. *Osnovy politicheskoj psihologii*. M., 2001 // Biblioteka RGIU [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.i-u.ru/forum>.

11. Sokolov A.K. *Kurs sovetskoj istorii 1917–1940 gg.* M.: Vyssh. shk., 1999. 272 s.

Election campaigns in Soviet province in the second half of the 1930s (based on the Lower Volga Region materials)

Based on the reports, strategic messages and texts of public speeches kept in the archives there are analyzed the forms of political behavior of urban citizens. There is considered the citizens' attitude to legislation authorities of various levels in the period of election campaigns of the second half of the 1930s.

Key words: *daily routine, citizens, election campaigns, political behavior, authorities, Lower Volga Region.*

(Статья поступила в редакцию 10.06.2015)

И. К. КИМ
(Волгоград)

ЦЕНТРОЛЕВ КАК ПРЕДВЫБОРНЫЙ БЛОК ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1930 Г. В ПОЛЬШЕ

Выявлена роль отдельных левых и центристских партий в блоке Центролев в период парламентских выборов 1930 г. в Польше по показателям: идейное влияние на программу блока, предвыборная активность и доля кандидатов в предвыборных списках блока.

Ключевые слова: *история Польши, режим санации (sanacja regime), парламентские выборы, предвыборный блок.*

Политическая коалиция Центролев и предвыборный блок, созданный на его основе, стали самой значительной попыткой польской оппозиции периода режима санации в Польше противостоять укреплению после майского переворота 1926 г. власти нового правящего лагеря во главе с Ю. Пилсудским. Процесс создания и деятельности Центролева наиболее полно был описан А. Чубинским [10]. Неод-

нократно в связи с выборами 1930 г. эту тему затрагивали другие польские авторы (см., например: [7; 11; 12; 15]), имеет она определённое отражение и в отечественной историографии [4–6]. Однако авторы не уделяли большого внимания определению роли отдельных партий в блоке в период выборов. Выявлению соотношения сил и политического веса отдельных партий, объединившихся в предвыборный блок Центролев накануне парламентских выборов 1930 г. в Польше, посвящена данная статья.

Важнейшей предпосылкой создания Центролева было установление санационного режима, начавшегося с захвата Пилсудским контроля за исполнительной властью в результате майского переворота 1926 г. и продолжившегося принятием парламентом конституционных поправок в августе того же года, завоеванием пилсудчиками относительного большинства в парламенте после выборов в марте 1928 г., вытеснением представителей оппозиционных партий из государственных институтов. Недовольство политических партий вызывала целенаправленная деятельность санации по разрушению парламентско-демократического строя, противоречащая мартовской конституции 1921 г. Раскол в оппозиционных партиях и выход из них сторонников Пилсудского во второй половине 1920-х гг. усилили оппозиционность этих партий и привели к их переходу в конце 1920-х гг. в оппозицию режиму, санационному лагерю и лично Пилсудскому.

К рубежу 1920–1930-х гг. правящему лагерю, олицетворявшемуся Беспартийным блоком сотрудничества с правительством (ББВР), противостояли четыре оппозиционных лагеря: эндецкий (правонационалистический) во главе со «Стронництвом народowym» (СН), центристский в составе «Польского стронництва христианской демократии» (ПСХД) и Национальной рабочей партии (НПР), людовский (крестьянский), представленный умеренным «Пястом» и радикальными «Вызволене» и «Стронництвом хлопским» (СХ), социалистический в лице Польской социалистической партии (ППС). Попытка правых и центристов после 1926 г. объединиться против санации в Лагере Великой Польши оказалась неудачной. Значительно успешнее было реализовано объединение левоцентристской оппозиции.

Центролев формировался постепенно, изменяя в процессе своего развития организационные формы, статус и состав участников.